

1. "Конармия" И.Бабеля
2. 20—30-е годы русской литературы. Творчество И. Бабеля
3. Гуманизм и жестокость в "Конармии" И.Э. Бабеля (на примере рассказа "Соль")
4. И. Э. Бабель. "Конармия"
5. Поэзия прозы
6. Проблема взаимоотношений интеллигенции и народа в "Конармии" И. Э. Бабеля
7. Рождение человека нового типа в огне гражданской войны по произведению Бабеля "Конармия"
8. Трагедия гражданской войны в "Конармии" И.Э. Бабеля (на примере рассказа "Смерть Долгушова")

□

"Конармия" И.Бабеля

Бурка начдива Павличепки веяла

над штабом, как мрачный флаг.

И. Бабель

Бабель прибыл в Первую конную армию в качестве корреспондента газеты "Красный кавалерист". Если представить себе привилегированное казачество тех лет, из которого в основном и состояла конармия, вспомнить о том, что на службу казаки приходили надолго, на двадцать лет, а во время службы не привыкли бедствовать — обеспечивали себя за счет гражданского населения, добавить к этому почти поголовный антисемитизм среди донских казаков, то легко понять, в какое адское окружение попал молодой еврейский интеллигент, несуразный штатский в очках, не умеющий даже ездить верхом.

Надо сказать, что многие поступки Бабея выглядят загадочными с точки зрения сегодняшнего дня. Уже по "Одесским рассказам" ясно, что детство у него было трудным, небогатым, что он успел пострадать от антисемитизма во время погромов. Может, это заставило его поверить в фальшивые идеалы большевистской революции и растратиться в продотрядах, в чека, в армии. Наивный, чувствительный мальчик среди своры грабителей, убийц!

Да и как еще можно назвать продотряды, отбирающие у населения хлеб, конармию, о которой сам писатель говорит: "На деревне стон стоит. Конница травит хлеб и меняет лошадей"! О чрезвычайной комиссии, матери зловещего КГБ, можно и не упоминать. Ведь чекисты служили не народу, а партии большевиков, партии, которая по-бандитски захватила власть и которая правила по-диктаторски.

Каков же исторический фон событий, описанных в "Конармии"? Такой, каким он и был в реальности. Совет народных комиссаров направляет конную армию на столицу Польши для восстановления довоенных границ России. Поход проваливается, Западную Украину и Бессарабию делят Польша и Румыния. Но Бабель — поэт мелочей, он через

незначительные детали, несколькими фразами способен нарисовать трагедию или комедию. А "мелочи" в конармии печальные. Это бесконечное насилие, беспредел командиров, постоянное хамство, оголтелое зверство, воинствующее невежество.

"Бойцы дремали в высоких седлах. Песня журчала, как пересыхающий ручей. Чудовищные трупы валялись на тысячелетних курганах. Мужики в белых рубахах ломали шапки перед нами". Один абзац, а столько сказано! Есть настроение, есть география местности, есть усталость бой нов после тяжелого перехода, их пересохшие от жары глотки, есть ужас мужиков, на всякий случай надевших смертные (белые) рубахи. "Как быстро уничтожили человека, принизили, сделали некрасивым". Значит, видит все это он не только глазами писателя, но и осмысливает происходящее. Может, он, как и миллионы одураченных, поверивших в ирреальное, считает, что братоубийство оправданно? Может, он именно в такой форме представляет себе дорогу к светлому будущему?

У братьев Стругацких в книге "Град обреченный" есть такая фраза: "...Что такое личность? Общественная единица! Ноль без палочки. Не о единицах речь, а об общественном благе. Во имя общественного блага мы должны принять на свою ветхозаветную совесть любые тяжести, нарушить любые писанные и неписанные законы. У нас один закон: общественное благо".

Думается, что такими же принципами руководствовался коммунист Бабель. И, стиснув зубы, воображал себя врачом-хирургом, который, выдавливая гнойники, отсекая гангренозные конечности, лечит общество. Он служил высоким партийным идеалам. И партия "отблагодарила" его!

В "Конармии", написав которую он одновременно подписал себе приговор, лишь оттянутый во времени, есть такое предложение: "Мы представляли мир, как цветущий сад, по которому гуляют красивые женщины и лошади". Емкость этого предложения колоссальна: так и видишь молодых, почти пацанов, бойцов конармии, отдыхающих после боя и мечтающих совсем о немногом — о мире.

Но мир — это не только отсутствие войны. Это еще и весь земной шар, так как они борются за победу большевизма во всем мире. И в этом мире везде цветут сады, много красивых женщин и обязательно — лошади. Они же — красные конники!

20—30-е годы русской литературы. Творчество И. Бабеля

“Россия, — проговорил он

под столом и забился, — Рос-

сия...”

И. Бабель

В 20—30-е годы Исаак Эммануилович Бабель по праву считался одним из ведущих писателей России. О его прозе были написаны десятки статей. Самые ранние рассказы Бабеля одобрил и помог опубликовать сам М. Горький. Это было в 1916 году, но потом наступила долгая пауза.

В годы гражданской войны Бабель под чужой фамилией идет воевать в Конармию Буденного. Его первые рассказы о Конармии вызвали бурную отрицательную реакцию самого Буденного. Это и неудивительно: уже тогда нарождался стиль воспевания побед большевиков и различных их свершений, критика была недопустима.

Итак, Бабеля его собственный командарм обозвал так: “... дегенерат от литературы Бабель оплевывает художественной слюной классовой ненависти” конармейцев. Но опять помог М. Горький, который знал цену таланту этого писателя. Возражая Буденному, М. Горький очень высоко оценил бабелевскую “Конармию” и даже сказал, что писатель изобразил героев своей книги красочней, “лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев”. Но мы знаем, что Горький сам вступил в конфликт с тоталитарным

режимом Сталина, и Бабель потерял последнюю защиту. В 1939 году Бабель был арестован и вскоре погиб в сталинских застенках.

Во времена так называемой “хрущевской оттепели” о Бабеле вновь заговорили. Вышла его книга “Избранное”. Но официальная литературная реабилитация Бабе́ля шла медленно. “Оттепель” закончилась, и писатель вновь подвергся резкой критике, в стиле буденновской, но теперь ему вменяли в вину антинаучные взгляды и концепции.

В чем же состояли его так называемые антинаучные взгляды? Мне кажется, прежде всего в том, что советская цензура той поры отодвигала в тень произведения о революции и гражданской войне тех писателей, которые откровенно говорили о своей эпохе. Пока советские цензоры старались как-то замолчать имя Бабе́ля, в 1973 году в ГДР вышло двухтомное собрание его сочинений, а в 79-м в США — однотомник на русском языке “Забытый Бабель”.

Сейчас, когда русскому читателю полностью возвращено творческое наследие этого замечательного писателя, мы видим, как были не правы те, кто обвинял его в измене собственному народу.

Во всех своих произведениях о революции и гражданской войне Бабель обличал несправедливые обвинения, стоившие жизни многим неповинным людям, настигшие и его самого. Герои Бабе́ля во всех ситуациях старались избежать кровопролития. В одной из новелл “Конармии” главный герой перед атакой специально вынимает патроны из нагана, чтобы не убить человека. Боевые товарищи не понимают его и начинают ненавидеть. И. Бабель талантливо развивал гуманистические традиции классической русской литературы, в которых жизнь и счастье человека всегда преобладают над другими ценностями.

Гуманизм и жестокость в "Конармии" И.Э. Бабе́ля (на примере рассказа "Соль")

Сюжет рассказа представляет собой трагическую историю женщины-спекулянтки, или, как тогда говорили, «мешочницы», пытающейся получить место в воинском эшелоне, прикинувшись матерью с грудным ребенком. Об этом говорится в письме в редакцию одного из бойцов, Никиты Балмашева. Бабель нарочно избрал для «Соли» форму письма малограмотного конармейца, чтобы рассказать о происшествии народным, безыскусным языком. Балмашев убеждает своих товарищей пустить несчастную женщину, будто бы едущую на встречу с мужем, к себе в вагон. Когда конармейцы отпускают сальности в ее адрес, Балмашев их урезонирует: «Удивляет меня слышать от вас такую жеребятину. вспомните, взвод, вашу жизнь и как вы сами были детьми при ваших матерях, и получается вроде того, что не годится так говорить...» Женщину пускают в эшелон. Однако во время поездки очень скоро открывается обман. Ребенок не кричит, не плачет, не сосет материнскую грудь. Балмашев раскрывает пеленки мнимого младенца и находит под ними «добрый пудовик соли». Мешочница просит простить ее — лихо-де обмануло. Рассказчик ей отвечает: «Балмашев простит твоему лиху... Балмашеву оно немного стоит, Балмашев за что купил, за то и продает. Но оборотись к казакам, женщина, которые тебя возвысили как трудящуюся мать в республике. Оборотись на этих двух девиц, которые плачут в настоящее время, как пострадавшие от нас этой ночью. Оборотись на жен наших на пшеничной Кубани, которые исходят женской силой без мужей, и те, то же самое одинокие, по злой воле насильничают проходящих в их жизни девушек... А тебя не трогали, хотя тебя, неподобную, только и трогать. Оборотись на Расею, задавленную болью...» Однако возвышенный монолог бойца не произвел никакого впечатления на лишившуюся соли спекулянтку. Она бросает конармейцам в лицо страшные обвинения, будто они не «Расею» защищают, а «жидов» Ленина и Троцкого. Такого оскорбления бойцы стерпеть не могут. Балмашев в своем письме утверждает: «...Я действительно признаю, что выбросил эту гражданку на ходу под откос, но она, как очень грубая, посидела, махнула юбками и пошла своей подлой дорожкой. И, увидев эту невредимую женщину, и несказанную Расею вокруг нее, и крестьянские поля без колоса, и поруганных девиц, и товарищей, которые много ездят на фронт, но мало возвращаются, я захотел спрыгнуть с вагона и себя кончить или ее кончить. Но казаки имели ко мне сожаление и сказали:

— Ударь ее из винта.

И сняв со стенки верного винта, я смыл этот позор с лица трудовой земли и республики».

Конармейцы заботятся о женщине с ребенком, поскольку она напоминает им о доме, об оставленных женах и детях, о мирной довоенной жизни. Когда же обман раскрывается, гнев Балмашева и его товарищей не знает границ. Женщину ждет скорая

смерть. Никто даже не задумывается, что, может, у злосчастной мешочницы действительно есть дети, что, может, ради них она повезла менять соль на другие продукты. Правда, после разоблачения мнимая мать ни разу не вспоминает о детях, и сначала, как подчеркивает автор, говорит с казаками очень «хладнокровно». Она скорее всего детей не имеет и нужды не знает. Поэтому, когда понимает, что драгоценной соли назад уже не вернуть, начинает вести прямо «контрреволюционные» речи, заявляя, что красноармейцы продали Россию. Это и провоцирует расправу.

Может показаться, что Бабель на стороне Балмашева, оправдывающего свой поступок тем, что «гносная гражданка... есть более контрреволюционерка, чем тот белый генерал, который с вострой шашкой грозит нам на своем тысячном коне... Его видать, того генерала, со всех дорог, и трудящийся имеет свою думку-мечту его порезать, а вас, несчетная гражданка, с вашими антиресными детками, которые хлеба не просят и до ветра не бегают, — вас не видать, как блоху, и вы точите, точите, точите...» В финале же Балмашев приравнивает расстрелянную мешочницу к «изменникам», которые «тащат нас в яму и хотят повернуть речку обратно, и выстелить Расею трупами и мертвой травой...» Однако читателю-то понятно, что мелкая спекулянтка, собиравшаяся выменять на мешок дефицитной тогда соли мануфактуру, сахар, сало или что-нибудь еще нужное в хозяйстве, никак не могла иметь намерения «выстелить Расею трупами» и вряд ли заслуживала столь суровой кары как расстрел на месте без суда и следствия. На самом деле Бабель заставляет нас задуматься о стихийной жестокости народа в гражданской войне, о том, что тяга к дому, к нормальной мирной жизни, сохраняющаяся в обожженной войной душе буденновских казаков, может прорасти ростками гуманизма, и тогда они заботливо оберегают от опасности женщину с ребенком. Но может прорасти и необузданной жестокостью, когда, раскрыв обман, конармейцы легко расправляются с беззащитной женщиной, невольно посмеявшейся над их сокровенными чувствами.

И. Э. Бабель. "Конармия"

Широкому кругу читателей Бабель стал известен в 1924 году, когда Маяковский напечатал в «Лефе» несколько новелл молодого автора. Вскоре после этого вышла в свет «Конармия». Ее перевели на двадцать языков, и Бабель стал известен далеко за пределами страны. Для советских и зарубежных читателей он был одним из самых примечательных писателей своего времени. Бабель ни на кого не был похож, и никто не мог походить на него. Он всегда писал о своем и по-своему; от других авторов его

отличала не только своеобразная писательская манера, но и особое восприятие мира. Все его произведения были рождены жизнью, он был реалистом в самом точном смысле этого слова. Он замечал то, мимо чего другие проходили, и говорил так, что его хотелось слушать. Бабель рассказывал необычайно о необычном. Длинную жизнь человека, в которой исключительное разбавлено буднями, как эссенция водой, а трагичность смягчена привычкой, Бабель показывал коротко и патетично. Из всех литературных жанров он облюбовал новеллу. Он как бы освещал прожектором один час, иногда одну минуту человеческой жизни. Он выбирал те положения, когда человек наиболее обнажается, может быть, поэтому темы любовной страсти и смерти с такой настойчивостью повторяются в его книгах.

За малым исключением его книги показывают два мира, его поразившие: дореволюционную Одессу и поход Первой конной армии, участником которого он был.

В 1920 году Бабель — в Первой конной армии. В тетрадку молодой автор заносил свои военные впечатления. Есть в “Конармии” новелла “Гедами”, в которой показан старьевщик-фило-, соф. Иному читателю эта новелла может показаться романтическим вымыслом, но дневник объясняет происхождение “Гедами”. В 1920 году Бабель встретил героя своей новеллы и записал: “Маленький еврей-философ. Невообразимая лавка — Диккенс, метлы и золотые туфли. Его философия: все говорят, что они воюют за правду, и все грабят”.

Горький говорил о “Конармии”: “Такого красочного и живого изображения единичных бойцов, которое давало бы мне представление о психике коллектива, всей массы конармии и не могло увидеть и понять силу, которая позволила совершить ей исторический ее поход,— я не знаю в русской литературе”.

В центре “Конармии” — одна из основополагающих проблем бабелевского реализма: проблема человека в революции, человека, вступившего в борьбу за новое начало. Стремлением понять человеческое в революции, ее гуманистическое содержание проникнуты многие страницы “Конармии”. Человек и борьба, свобода и революционная необходимость, насилие и так называемая социалистическая законность, пролетарская диктатура и пролетарский гуманизм, возвышенное и низменное в человеке — вот, пожалуй, те основные вопросы, которые присутствуют в каждой новелле цикла “Конармия”.

Написав “Конармию”, И. Бабель одновременно подписал себе приговор, лишь оттянутый во времени.

Там есть такое предложение: “Мы представляли мир как цветущий сад, по которому гуляют красивые женщины и лошади”. Емкость этого предложения колоссальна: так и видишь молодых, почти пацанов, бойцов конармии, отдыхающих после боя и мечтающих совсем о немногом — о мире.

Но мир — это не только отсутствие войны. Это еще и весь земной шар, так как они борются за победу большевизма во всем мире. И в этом мире везде цветут сады, много красивых женщин и обязательно — лошади. Они же красные конники!

А вокруг кровь, сифилис, беспредел, голод, море самогона, мародерство под видом репатриации, самоуверенный командарм “в красных штанах с лампасами” — будущий палач писателя.

Каков же исторический фон событий, описанных в “Конармии”? Такой, каким он и был в реальности. Совет народных комиссаров направляет конную армию на столицу Польши для восстановления довоенных границ России. Поход проваливается, Западную Украину и Бессарабию делят Польша и Румыния. Но Бабель — поэт мелочей, он через незначительные детали несколькими фразами способен нарисовать трагедию или комедию. А “мелочи” в конармии печальные. Это бесконечное насилие, беспредел командиров, постоянное хамство, оголтелое зверство, воинствующее невежество.

“Бойцы дремали в высоких седлах. Песня журчала, как пересыхающий ручей. Чудовищные трупы валялись на тысячелетних курганах. Мужики в белых рубахах ломали шапки перед нами”. Один абзац, а столько сказано! Есть настроение, есть география местности, есть усталость бойцов после тяжелого перехода, их пересохшие от жары глотки, есть ужас мужиков, на всякий случай надевших белые (смертные) рубахи. “Как быстро уничтожили человека, принизили, сделали некрасивым”. Значит, видит все это он не только глазами писателя, но и осмысливает происходящее. Может, он, как и миллионы одураченных, поверивших в ирреальное, считает, что братоубийство оправданно? Может, он именно в такой форме представляет себе дорогу к светлому будущему?

Прелесть бабелевского языка не столько в том, что он абсолютно точен и предельно лаконичен. И не столько в том, что это отчасти местечковый диалект Одессы. Речевыми характеристиками писатель владеет в совершенстве, и то, что Буденный, например, говорит с еврейским акцентом, не удивляет. “Ребята,— сказал Буденный,— у нас плохая положения, веселей надо, ребята...”

В этом есть какое-то писательское чудо. Читая прозу Пушкина, прикасаешься к такому же чуду: простые крестьяне, Емельян Пугачев — все владеют правильным литературным языком, но каждый говорит индивидуально, типично, а начиная вспоминать, представляешь почему-то, что их речь была нескладной, упрощенной.

Так же и у Бабеля. Проза до отказа насыщена метафорами, фактами, событиями. Этого набора на первый взгляд излишне много, но именно он создает неповторимое очарование этого писателя. Ну и, конечно, юмор. Великолепный одесский юмор, которым приправлена каждая фраза, каждое самое печальное событие. “Над прудом .взошла луна, зеленая, как ящерица”. “На стене — фотография Криков. Крики на ней широкие, как шкафы, с натужными выпученными глазами”.

Бабель, несомненно, часто сталкивался с антисемитизмом. Это не ожесточило его, ирония на тему плохого отношения к евреям добрая, мягкая, он не меняет стиля изложения.

“Портной. Скажите, Лева, что делают в красной армии с конником, когда он что-нибудь нарушит?”

Лева. Мойша! Красноармейца вызывает старшина и пускает ему юшку из носа. Потом его судят два красных генерала и тоже пускают ему из носа юшку!

Портной. Лева! И так делают только с евреями?!

Лева. Что вы говорите, Мойша! Еврей, записавшийся в красную армию, перестал быть евреем. Он стал русским!”

Одна из составляющих прозы Бабеля — краткость. Он ухитряется в небольшое предложение вложить столько информации, что у другого писателя на это ушло бы страниц десять.

Обычно только стихи обладают невероятной емкостью при абсолютном лаконизме. Бабель признавался, что пишет медленно, трудно. Что, кстати, не мешало ему быть активным журналистом. Зато качество этих трудных строк давно переплавало “словесную руду” в золото чистой пробы.

У братьев Стругацких в книге “Град обреченный” есть такая фраза: “Что такое личность? Общественная единица! Ноль без палочки. Не о единицах речь, а об общественном благе. Во имя общественного блага мы должны принять на свою ветхозаветную совесть любые тяжести, нарушить любые писанные и неписанные законы. У нас один закон: общественное благо”.

Думается, что такими же принципами руководствовался коммунист Бабель. Он служил высоким партийным идеалам. И партия “отблагодарила” его!

В “Конармии” нет адвокатской защиты революции. Ее герои подчас жестоки, порой смешны; в них много бурного, военного разлива. Однако правотой дела, за которое они умирают и сражаются, проникнута вся книга, хотя ни автор, ни герои об этом не говорят. Для Бабеля бойцы “Конармии” не были схематическими героями, которых мы встречаем в нашей литературе, а являлись живыми людьми с достоинствами и пороками. “Конармия” — поток, лавина, буря, и в ней у каждого человека свой облик, свои чувства, свой язык.

Поэзия прозы

Не надо рамазывать манную

кашу по чистому столу.

И. Бабель

В небольшом шедевре И:Бабеля "Конармия", написав которую он одновременно подписал себе приговор, лишь оттянутый во времени, есть такое предложение: "Мы представляли мир, как цветущий сад, по которому гуляют красивые женщины и лошади". Емкость этого предложения колоссальна: так и видишь молодых, почти пацанов, бойцов конармии, отдыхающих после боя и мечтающих совсем о немногом — о мире.

Но мир — это не только отсутствие войны. Это. еще и весь земной шар, так как они борются за победу большевизма во всем мире. И в этом мире везде цветут сады, много красивых женщин и обязательно — лошади. Они же красные конники!

А вокруг кровь, сифилис, беспредел, голод, море самогона, мародерство под видом репатриации, самоуверенный командарм "в красных штанах с лампасами" — будущий палач писателя.

Прелесть бабелевского языка не столько в том, что он абсолютно точен и предельно лаконичен. И не столько в том, что это отчасти местечковый диалект Одессы. Речевыми характеристиками писатель владеет в совершенстве, и то, что Буденный, например, говорит с еврейским акцентом, не удивляет. "Ребята, — сказал Буденный, — у нас плохая положения, веселей надо, ребята..."

В этом есть какое-то писательское чудо. Читая прозу Пушкина, прикасаешься к такому же чуду: простые крестьяне, Емельян Пугачев — все владеют правильным литературным языком, но каждый говорит индивидуально, типично, а начиная вспоминать, представляешь почему-то, что их речь была нескладной, упрощенной.

Так же и у Бабеля. Проза его густая, как украинский борщ с мозговой косточкой, до отказа насыщена метафорами, фактами, событиями. Этого набора на первый взгляд излишне много, но именно он создает неповторимое очарование этого писателя. Ну и конечно — юмор. Великолепный одесский юмор, которым припудрена каждая фраза, каждое, самое печальное событие. "Над прудом взошла луна, зеленая, как ящерица". "На стене — фотография Криков. Крики на ней широкие, как шкафы, с натужными выпученными глазами".

Бабель, несомненно, часто сталкивался с антисемитизмом. Это не ожесточило его, ирония на тему плохого отношения к евреям добрая, мягкая, он не меняет стиля изложения.

"Портной. Скажите, Лева, что делают в красной армии с конником, когда он что-нибудь нарушит?"

Лева. Мойша! Красноармейца вызывает старшина и пускает ему юшку из носа. Потом его судят два красных генерала и тоже пускают ему из носа юшку!

Портной. Лева! И так делают только с евреями?!

Лева. Что вы говорите, Мойша! Еврей, записавшийся в красную армию, перестал быть евреем. Он стал русским! "

Одна из составляющих прозы Бабеля — лапидарность. Он ухитряется в небольшое предложение вложить столько информации, что у другого писателя на это ушло бы страниц десять. "Бойцы дремали в высоких седлах. Песня журчала, как пересыхающий ручей. Чудовищные трупы валялись на тысячелетних курганах. Мужики в белых рубахах ломали шапки перед нами".

Один абзац, а сколько сказано! Есть настроение, есть география местности, есть усталость бойцов после тяжелого перехода, их пересохшие от жары глотки, есть ужас мужиков, на всякий случай надевших смертные (белые) рубахи.

Обычно только стихи обладают невероятной емкостью при абсолютном лаконизме. Бабель признавался, что пишет медленно, трудно. Что, кстати, не мешало ему быть активным журналистом. Зато качество этих трудных строк давно переплавало "словесную руду" в золото чистой пробы.

□

Проблема взаимоотношений интеллигенции и народа в "Конармии" И. Э. Бабеля

В 1920 г. Бабель добровольно вступил в ряды Первой Конной армии и отправился на фронт. Основываясь на своих непосредственных впечатлениях, он написал цикл рассказов "Конармия". В них писатель показывает ужасы гражданской войны: жестокость, насилие, разрушение старой культуры. В этот процесс вовлечены простые люди — казаки, конармейцы — и представители интеллигенции. Повествование ведется от лица Кирилла Васильевича Лютова, который говорит о себе: "Я окончил юридический факультет и принадлежу к так называемым интеллигентным людям". Лютов глубоко одинок. Он, образованный человек, знающий языки, наделенный чувством прекрасного, попадает в среду, в которой "режут за очки". Его не хотят принимать, пока он не совершит убийство (пусть это убийство гуся, но для интеллигента оно — трагедия). Только после расправы с гусем Лютов сливается с массой красноармейцев, сказавших о нем: "Парень нам подходящий". Но это лишь видимость. Он все равно чужой среди них. Он не может заставить себя отрешиться от заповедей морали. Осквернение церквей, насилие над женщинами, жестокость по отношению к пленным — все это болью отзывается в его душе. Он никогда не превратится в одного из них, не станет точно таким, как Василий Курдюков, хладнокровно описавший убийство собственного отца, или Афонька Вида, бестрепетно застреливший раненого Долгушова. Чтобы вести себя, как эти люди, надо так же мало знать и не иметь понятия о нравственном законе.

Лютов не единственный интеллигент в "Конармии". Сражаясь в Польше, герои книги постоянно сталкиваются с местным населением — поляками и евреями. Еврейская культура особенно много значит для Бабеля, знавшего ее с детства. Большинство

евреев, изображенных в “Конармии”, образованные, оберегающие свою культуру и традиции люди. Например, в рассказе “Гедали” мы видим человека, который ни в каких обстоятельствах не может отказаться от своих национальных традиций: “Революция — скажем ей “да”, но разве субботе мы скажем “нет”?” Но и он, одухотворенный Гедали, вынужден во время войны торговать на рынке мелом, синькой и фитилями. Революция не принесла ему и другим евреям ничего, кроме новых бед: “И вот мы все, ученые люди, мы падаем на лицо и кричим на голос: горе нам, где сладкая революция?..”

Итак, мы видим, что гражданская война чужда интеллигентному человеку. Это царство дикости, разрушение культуры — и русской, и польской, и еврейской. Как спасти свои духовные ценности в хаосе революции и братоубийственной войны? Один из путей сохранения культуры нашел интеллигентный человек Исаак Бабель, написав обо всем, что увидел, честную и гуманную книгу.

Рождение человека нового типа в огне гражданской войны по произведению Бабеля "Конармия"

Кто в драке путается, а патронов в наган не залаживает ...

атаку шел, — закричал мне вдруг Акинфиев, и судорога облетела его лицо, — ты шел и патронов не залаживал... где тому причина?» То, что не может понять Акинфиев, понятно читателю: Лютов пуще всего на свете боится убить человека и избегает всего, что может к этому привести. Хотя и сам может в любую минуту погибнуть. В трусости его никто не упрекнет, но и это раздражает бойцов: раздражает именно непонимание, почему он так поступает.

Собственно говоря, мне не удивительно такое непонимание: семьдесят процентов населения России в то время не имело маломальского образования, пребывало в духовной одичалости, так что таких психологических тонкостей и понимать не желало.

Герой Бабеля переживает нравственный разлад. Рождение нового человека идет болезненно и медленно. Лютов, разделяя цели революции и гражданской войны, не может принять методы, которыми они достигаются.

Вот минуты таких раздирающих душу героя переживаний: «Против луны... сидел я в очках, с чирьями на шее и забинтованными ногами. Смутными поэтическими мозгами переваривал я борьбу классов... я болен, мне, видно, конец пришел, и я устал жить в вашей Конармии...»

Но, однако, рядом конармейцы ведут бой во имя жизни, и на знамени их нарисована звезда и написано про Третий Интернационал («Смерть Долгушева»). Новелла эта — о смерти, посмеявшейся над жизнью Афоньки Бида. Истинный конармеец, он ежеминутно жертвует жизнью с веселостью бессмертного существа: «Обведенный нимбом заката, к нам скакал Афонька Бида. — По малости чешем, — закричал он весело. — Что у вас тут за ярмарка?»

Нимб — явный знак бессмертия и святости, ярмарка — замкнутый в самом себе мир привычного веселья, ставшего своеобразным ритуалом. Афонька — тот самый Афонька, который в одной из следующих новелл «У святого Валента» в оскверненном костеле пытается «подобрать на органе марш», — воспринимается рассказчиком Лютовым в качестве святого какой-то новой веры. Еще Пушкин сказал, что «упоение в бою» — «бессмертья может быть залог». Если так, то упоение Афоньки вполне объяснимо.

Однако герой Бабеля не одинок: кучер Грищук, оказывается, тоже думает и чувствует так же, как Лютов. Жизнь для них обесмысливается, если смерть подстерегает человека повсюду: «Из-за могил выскочил польский разъезд и, вскинув винтовки, стал бить по нас. Грищук повернул. Тачанка его вопила всеми четырьмя своими колесами. — Грищук! — крикнул я сквозь свист и ветер. — Баловство, — ответил он печально. — Пропадаем, — воскликнул я, охваченный гибельным восторгом, — пропадаем, отец! — Зачем бабы трудятся? — ответил он еще печальнее. — Зачем сватания, венчания, зачем кумы на свадьбах гуляют...»

Как видим, «гибельный восторг» Лютова — не совсем то же, что «упоение в бою». В итоге рассказа различное отношение к смерти навсегда развело героев по разным полюсам. «Сегодня я потерял Афоньку, первого моего друга», — горюет Лютов.

Характер Афоньки, по-моему, заслуживает внимания своей глубиной. Афонька — тип того нового человека, который жертвенно сгорел в пекле гражданской войны, а по идее, такие люди должны были остаться в живых и начать строить новую жизнь. В душе Афоньки была нравственная сила для будущего созидательного порыва. Помню, как он, по необходимости принимавший участие в убийстве пчел, сказал: «...лишенные хлеба, мы саблями добывали мед», то есть убийство для Афоньки не было самоцелью. При других обстоятельствах он бы, наверное, и мухи не обидел. «Нехай пчела потерпит. И для нее, небось, ковыряемся...» — рассуждает он далее. Вот эта вера в необходимость революции и войны, крови и смерти — для будущего всего живущего, искренняя, делает воистину бессмертными и Афоньку, и таких, как он, конармейцев.

Так тонко и вместе с тем естественно Исаак Эммануилович Бабель обозначил рождение нового типа людей в огне гражданской войны.

Трагедия гражданской войны в "Конармии" И.Э. Бабеля (на примере рассказа "Смерть Долгушова")

— Наскочит шляхта — насмешку сделает. Вот документ, матери отпишешь, как и что...

— Нет, — ответил я и дал коню шпоры.

Долгушов разложил по земле синие ладони и осмотрел их недоверчиво...

— Бежишь? — пробормотал он, сползая. — Бежишь, гад...» Бабель демонстрирует нам страшные подробности войны, натуралистические детали умирания человека. Жуть берет, когда удары сердца не слышно, а видно. Бабелевский интеллигент не в состоянии выполнить просьбу умирающего солдата. У него не хватает решимости убить человека, пусть и без того обреченного на мучительную смерть. Лютов не может

преодолеть сидящего в глубине его души отвращения к убийству, морального запрета на лишение жизни себе подобного. Хотя по сути выстрел для Долгушова — это благо, избавляющее от нестерпимой боли и прѣбли-жающее желанную смерть. Долгушова добивает друг Лютова Афонька Вида — простой казак, не отягощенный интеллигентской рефлексией. Он спрятал в сапог красноармейскую книжку и спокойно выстрелил умирающему прямо в рот. Тут между Бидой и автором происходит очень выразительный диалог: « — Афоня, — сказал я с жалкой улыбкой и подъехал к казаку, — а я вот не смог.

— Уйди, — ответил он, бледнея, — убью! Жалеете вы, очкастые, нашего брата, как кошка мышку...

И взвел курок».

От гибели Лютова спасает другой красноармеец, Грищук, схватив Виду за руку. Однако тот продолжает выкрикивать угрозы в адрес Кирилла: «Холуйская кровь!.. Он от моей руки не уйдет...» И Лютов понимает, что потерял Афонькину дружбу. Грищук же Лютова не осуждает за проявленную слабость и угощает яблоком, говоря ласково: «Кушай... кушай, пожалуйста...» Этими словами рассказ заканчивается.

Сам факт выбора, который приходится делать Лютову, глубоко трагичен. Убить человека — нарушить внутренний нравственный закон. Не убить — значит обречь его на более медленную и мучительную смерть. Как будто Афонька Вида совершает акт милосердия, добивая Долгушова и тем самым творя добро. Однако казака уже заразила страсть к убийству. Он готов убить своего друга Лютова только потому, что ему видится в словах Кирилла невысказанный укор. Сам Бабель сознавал, что не правы тут оба. Лютов из-за чувства жалости не может прекратить мучения Долгушова. Вида же готов расправиться с другом только за то, что неспособность Лютова к убийству вынудила Афону взять грех на себя. Писателю ближе всего позиция Грищука, способного предотвратить бессмысленное убийство и пожалеть «очкастого», перенесшего, наверное, самое сильное потрясение в своей жизни.

Жестокость гражданской войны показана Бабелем через столкновение необходимости убивать хорошо знакомого человека, чтобы облегчить его страдания, и невозможности такое убийство совершить без тяжелого ущерба для собственной души. Страдает не только Долгушов, страдают и Лютов и Бидка. И как решить нравственную

дилемму, вставшую не только перед Кириллом Лютовым, но и перед десятками тысяч других бойцов и командиров противоборствующих армий, не знали ни они, ни сам писатель. И тот же Афонька Бида предстает у него то почти как святой, «обведенный нимбом заката», то почти как дьявол, несущий «холод и смерть»